

РАЗМЕРЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В АТТИКЕ В IV в. до н. э.

Важнейший вопрос в исследовании аграрных отношений — это вопрос о том, кому принадлежит земля, о фактическом распределении земельной собственности. Чтобы судить об аграрных отношениях, сложившихся в древней Аттике в IV в. до н. э., мы прежде всего должны выяснить, каким количеством земли владели афинские граждане — бедные, состоятельные и богатые. Каковы были средние размеры земельных владений различных слоев афинского гражданства? Каковы были численные соотношения между мелкими, средними и крупными (по аттическим масштабам) землевладельцами?

Определение этих величин создает основу для изучения аграрного строя древней Аттики в целом. Оно и является предметом настоящей работы.

Поставленная здесь проблема еще не являлась объектом основательного исследования (отчасти в силу недостатка материала). Она затрагивалась лишь попутно, в связи с общими характеристиками аграрных отношений в Греции IV в. до н. э. К настоящему времени бесспорны и общепризнаны две особенности аттического землевладения, относящиеся, в частности, к IV в. до н. э.

³⁰ Если попытаться проследить возможную последовательность ошибок переписчиков в слове Βασιστα в данном тексте Арриана, то ошибка должна была быть сделана еще в римский период: первая ошибка писца, забывшего поставить черточку над тау, заставила его прочесть слово как βασιετα (где σ, написанную Σ, он принял за ε), а следующий переписчик решил, что здесь пропущена буква λ, и вставил ее; таким образом, из Βασιστα → βασιετα могла получиться следующим образом: Βασιστα → βασιετα → βασιετα → βασιετα → βασιετα.

³¹ На это мне любезно указал А. М. М а н д е л ь ш т а м, за что приношу ему глубокую благодарность.

³² D i o d. S i c u l., Bibl. hist., XVII, 110, 5; II, 13, 1—2.

1. Крупные земельные владения в Аттике были немногочисленны и по своим абсолютным размерам далеко уступали, например, римским латифундиям.

2. Большое число граждан владело очень мелкими участками земли.

Иначе говоря, земельная собственность в Аттике была сильно раздроблена, большая территория распределялась среди относительно значительного числа землевладельцев¹.

Однако на этой общей основе возможны большие расхождения во взглядах. Так, А. И. Тюменев считал «преобладающими» в Аттике земельные участки, не превосходящие величиной 1 га². Наоборот, Шванн принимал в своей работе об эйфоре, что средний «крестьянский» участок составлял 10 га³.

Обычная точка зрения располагается между этими крайними концепциями. Она основана на соотношении двух более или менее твердо установленных цифр. Одна цифра определяет площадь обрабатываемых земель Аттики, другая — численность афинских землевладельцев.

Древняя Аттика без области Оропа занимала около 2 400 км², с островами и Оропом — около 2 650 км². Площадь возделанных земель составляла около 1/4 всей поверхности (может быть, несколько больше), т. е. 600—650 км², 60 000—65 000 га.

Число граждан, не имевших земли, известно из «Введения» Дионисия Галикарнасского к XXXIV речи Лисия. Дионисий сообщает о 5 тыс. безземельных в конце V в. до н. э. (Lys., XXXIV, $\nu\theta\theta$). Общая численность граждан в конце V в. определяется примерно в 20 тыс.⁴ Таким образом, получается, что около 15 тыс. граждан имели землю. Вероятно, количество земельных владений было несколько меньшим, так как некоторые граждане не вели самостоятельного хозяйства. С другой стороны, число граждан в 20 тыс. — минимальное. Это, если не устраняет, то уменьшает погрешность.

Иногда считают, что в число 15 тыс. входили собственники городских участков⁵. Однако текст Дионисия не дает оснований для подобного предположения.

Таким образом, мы можем оперировать цифрами в 60 тыс. га (или несколько больше) и 15 тыс. землевладельцев: в среднем получается не больше 4 га на одно владение. Это соотношение принято, например, Бузольтом⁶. Следует отметить, что Бузольт не учитывал наличия общественных земель. Какую часть всей земли составляли общественные владения — мы не знаем. Во всяком случае, размер среднего земельного участка должен быть несколько понижен.

Средние цифры такого рода имеют значение в качестве контрольных, но они не дают представления о фактическом распределении земли. Очевидно, что на их основе оказываются возможными различные точки зрения на предмет. Кому принадлежала большая часть земли? Она могла быть распределена между 2—3 тыс. «крупных» землевладельцев, в среднем имевших, скажем, по 25 га. В этом случае остальная пригодная для обработки земля была разделена на 10 тыс. парцелл, принадлежавших мелким крестьянам и бедному городскому населению. Или же большая часть земли сосредоточивалась в руках 8—10 тыс. собственников, имевших в среднем, например, по 5 га, к этому ядру примыкали, с одной стороны, немногочисленные магнаты, с другой — несколько тысяч малоземельных.

¹ P. Guiraud, La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine, P., 1893, стр. 388 слл.; G. Busolt, Griechische Staatskunde³, I, München, 1920, стр. 180; G. Glotz, Le Travail dans la Grèce Ancienne, P., 1920, стр. 296—300; A. Jardé, Les céréales dans l'antiquité grecque, P., 1925, стр. 120—122 и т. д.

² А. Тюменев, Очерки экономической и социальной истории древней Греции, I, Пг., 1920, стр. 168.

³ W. Schwann, Die Attische ΕΙΣΦΟΡΑ, «Rhein. Mus.», 28 (1933), стр. 264—265.

⁴ A. W. Gomme, The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C., Oxf., 1933, стр. 26.

⁵ Тюменев, Очерки..., III, стр. 31—32.

⁶ Busolt, Gr. Staatskunde..., I, стр. 180.

Дилемма может быть представлена в несколько ином виде. Или численно преобладали «мелкие», или же «средние» землевладельцы. Если большинство составляли «мелкие» (с владениями до 2 — 3 га), это уже само по себе предполагает наличие значительного числа «крупных», а также существенные различия в величине участков, разрыв между этими крайними группами владельцев. Избыток собственности на одном полюсе означает ее недостаток на другом (и наоборот). Если же основная масса землевладельцев относилась к категории «средних», существование многочисленных «крупных» землевладельцев исключено: для них просто нет места.

Короче говоря, возможны две точки зрения на распределение земельной собственности среди афинских граждан: или резкое неравенство и контрасты, или же относительная равномерность. Они противоположны друг другу и вместе с тем обе имеют право на существование. Литературные источники допускают как ту, так и другую концепцию. Между тем очевидно, что весь этот вопрос имеет принципиальное значение для понимания экономической и политической истории Афин в IV в. до н. э. Он связан с проблемами «кризиса полиса», классовой борьбы в древности и т. д.

Метод решения нашей проблемы определился уже в XIX в. Он заключался в подборе более или менее полной коллекции данных о величине и ценах земельных участков. Со времен Бека подобная коллекция переходит из одной работы в другую, постепенно пополняясь⁷. Иногда она сопровождается выведением средних цифр по той или иной группе источников⁸. Поскольку наши сведения неполны и отрывочны, такой подбор цифровых материалов был в свое время оправдан и неизбежен. Но этим путем мы не можем прийти к решению. Размеры и цены отдельных участков выступают здесь как иллюстрация, а иллюстрировать они могут любую точку зрения. Действительно, имеются сведения и о крупных, и о средних, и о мелких участках.

По-видимому, при современном состоянии литературных источников метод статистических подсчетов является единственным методом, приближающим нас к решению поставленной выше проблемы. Представим себе, что нам известны цены всех земельных участков Аттики в какой-либо период IV в. до н. э. Было бы легко определить их относительную и даже абсолютную величину. Соотношения в размерах земельных участков могут быть с большой вероятностью установлены и на основе значительно меньшего количества данных. Невозможно определить, с какого именно количества цифр следует начать, на каком уровне набор случайных цифр приобретает значение правила, типичного для Аттики в целом числового ряда. Этот уровень зависит от характера источников. Разумеется, степень точности исследования будет возрастать по мере накопления материала.

Ныне имеется около 150 цифр, извлеченных преимущественно из эпиграфических текстов и обозначающих размеры и цену земельных участков. Эти цифры относятся к периоду примерно с последней трети V в. до н. э. до первой трети III в. до н. э. включительно. Вероятно, такое количество примеров, взятых как статистическое целое, в какой-то мере отражает средние соотношения в размерах земельных участков в течение указанного периода.

Было бы, конечно, желательно и полезно расположить цифровые данные в хронологическом порядке и проследить ход и изменение их (поскольку таковые имели место) в величине участков на протяжении IV в. Но значительная часть источников не может быть датирована, а остальные, рассматриваемые изолированно, случайны и зачастую вообще несравнимы. Поэтому приходится использовать источники IV (частично V и III) в. до н. э. вместе. Получаются очень обобщенные результаты, а изменения в течение всего периода не принимаются в расчет.

⁷ A. Boeckh, Die Staatshaushaltung der Athener³, I, B., 1836, стр. 80 сл.; Guiraud, Propriété..., стр. 392 сл.; J a r d é, Céréales..., стр. 121; J. D a y, An Economic History of Athens under Roman Domination, N. Y., 1942, стр. 226 сл.; K. P r i t c h e t t, The Attic Stelai, «Hesp.», XXV (1956), стр. 273 сл.

⁸ G l o t z, Travail..., стр. 297.

* * *

Наши источники делятся на несколько категорий. Самую многочисленную группу составляют надписи на закладных камнях (ἔρρι). В этих кратких надписях указывался характер заложенной собственности, вид залога, часто также имя кредитора и сумма долга. Лишь немногие *horoí* датированы, и это, конечно, затрудняет их использование. Но почти все они, как полагают, относятся к периоду IV и первой половине III в. до н. э. Внутри этого периода более точное хронологическое распределение надписей невозможно.

Horoí привлекались для характеристики ценности земельных участков уже в XIX в. Но их количество быстро растет в связи с новыми находками, и ныне они стали самостоятельным объектом исследования. Недавно были изданы две работы, основанные на этом материале,— работы Финли и Файна⁹. Для исследуемой здесь темы большее значение имеет книга Финли. Некоторые выводы этого автора я использую ниже. Финли уделил известное внимание реальным имущественным отношениям, отраженным в долговых камнях. Надписи подвергнуты им некоторой статистической обработке; указанные в них денежные суммы, состав заложенной собственности, количество кредиторов и другие данные представлены в нескольких таблицах. Но ни само исследование Финли, ни составленные им таблицы не относятся специально к земельной собственности (если не считать очень общего очерка на стр. 56—59).

Я использую собранные Финли тексты надписей, принимая его распределение *horoí* по типу залога. Сохранена нумерация надписей, приложенных к этой работе. Файн совсем не касается вопроса о величине земельных участков. Здесь могут быть использованы лишь те его выводы, которые относятся к соотношению суммы долга и ценности заложенной собственности.

Horoí по форме залога разделены Финли на три основные категории. Залог обозначен в них или как собственно ипотека, или как *πρῶσις ἐπὶ λύσει*, или, наконец, как *ἀποτίμημα*.

А) Нам удобнее начать с последней группы (табл. 1, №№ 1—13). Глагол *ἀποτίμῶ* буквально означает «делаю оценку, оцениваю». Закладные камни этого типа применялись в двух случаях. Они отмечали, во-первых, предоставляемое арендатором имущества сирот обеспечение (гарантирующее возврат этого имущества и выплату процентов). Во-вторых, они указывали обеспечение, которое предоставлял муж, получивший приданое: тем самым гарантировалось возвращение приданого в случае развода, смерти жены и т. п. Иногда они обеспечивали доплату приданого тестем. Цифры, могущие нам пригодиться, имеются только в надписях второго типа. Рассмотрим их по порядку, начиная с самых крупных сумм и кончая самыми мелкими. Залоговые надписи вообще очень однообразны и лаконичны: это дает возможность представить их в виде таблицы, в которую войдут лишь самые необходимые данные, и тем избежать ненужных повторений.

№№ 6—13 представляют надписи со смешанными объектами: земля включена здесь в сделку вместе с домом. Термины везде одни и те же: земельный участок (*χωρίον*) и дом (*οἶκος*). Эти же термины повторяются почти во всех остальных *horoí*.

Б) Надписи (№№ 14—17) следующей группы собраны у Финли под общим названием «ипотечных». Они характеризуют собственно залог недвижимости за определенную сумму денег. Эти надписи сообщают состав заложенного объекта, указывают размеры долга, иногда дают имя кредитора и некоторые дополнительные сведения.

В двух случаях земля составляла залог не отдельно, а вместе с домом (№№ 16—17).

В) Третью, самую многочисленную группу составляют надписи, фиксирующие сделки типа *prasis epi lysei* (№№ 18—56). Буквально эта формула означает «продажа на условии освобождения (выкупа)». Природа этого типа залога не вполне ясна, но

⁹ M. J. Finley, *Studies in Land and Credit in Ancient Athens*, 500—200 B. C., New Brunswick — New Jersey, 1952; J. V. A. Fine, *Horoí. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens*, «Hesp.», Suppl. IX, 1951.

Таблица 1

№	№ по Финли	Публикация	Объект	Сумма оценки	Примечания	
1	146	IG, II ² , 2670	Земельный участок	1 талант	Сумма минимальная	
2	141	AJP, 69 (1948), 202, № 2	»	5 200 драхм		
3	142	IG, II ² , 2668	»	1 800 »	Юридический смысл надписи не совсем ясен	
4	163	IG, II ² , 2767	»	750 »		
5	143	IG, II ² , 2676	Строительные (?) участки (οικοδομια)	500 »		
6	133	IG, II ² , 2659	Земельный участок и дом	1 т. 2 000 драхм		
7	134	IG, II ² , 2662	То же	4 500 драхм	Дата: 305/4 г. до н. э. 4 000 др. — вероятная стоимость объектов	
8	132	IG, II ² , 2679	Зем. участки и дома	4 000 »		
9	135	IG, II ² , 2660	Зем. участок и дом	3 000 »	Дата 340/39 или 313/2 г. до н. э.	
10	135A	«Hesp.», XIX (1950), 23	»	3 000 »		
11	136	IG, II ² , 2661	»	2 000 »		
12	153	IG, II ² , 2675	Дом и сад (κηπος)	1 700 »		
13	137	IG, II ² , 2663	Зем. участок и дом	1 500 »		
14	3	IG, II ² , 2762	Зем. участок	2 000 драхм		
15	2	IG, II ² , 2759	Зем. участок, сад (κηπος) и источник (Χρυσνη)	300 драхм		
16	3A	«Ath. Mitt.», 67 (1942), № 43	Зем. участок и (дом)	1 000 драхм		Дата 259/8 г. до н. э.
17	1	IG, II ² , 2758	Зем. участок и дом	800 драхм		Юридически не вполне ясная надпись
18	45	IG, II ² , 2713	Зем. участок	1 талант		
19	40	IG, II ² , 2721	»	3 000 драхм		
20	46	IG, II ² , 2705	»	2 800 »		
21	41	IG, II ² , 2723	»	2 550 »		
22	47	IG, II ² , 2703	»	2 000 »		
23	42	IG, II ² , 2719	»	1 200 »		
24	48	«Hesp.», X (1941), стр. 53, № 16	»	1 100(+?) »		
25	49	IG, II ² , 2681	»	1 050 »		
26	50	IG, II ² , 2702	»	1 000 »		
27	51	IG, II ² , 2712	»	1 000 »		
28	52	IG, II ² , 2711	»	900 »		
29	51A	«Ath. Mitt.», 67 (1942), 35—36, № 40	»	900 »		
30	53	«Hesp.», VII (1938), 93, № 14	»	600 »		
31	54	«Δελт.», XI (1927/8), пар. 31 № 163	»	500 »		
32	55	IG, II ² , 2704	»	150 »		
33	57	IG, II ² , 2658	»	100(+?) »		
34	15	IG, II ² , 2687	Дом, земельный участок	(7 000) драхм	Сумма читается плохо, 7 000 драхм приняты условно	
35	30	IG, II ² , 2699	Зем. участок и дом	1 талант	Дата 319/8 или 314/3 г. до н. э.	
36	13	IG, II ² , 2724	Зем. участок, дом и сад	5 000(+?) драхм		
37	16	IG, II ² , 2694	Зем. участок и дом	4 000 »		
38	17	«Ελληνικά», VIII (1935), 223, № 3	»	3 240 »		

Продолжение таблицы 1

№	№ по Финли	Публикация	Объект	Сумма оценки	Примечания
39	14	AJP, 69 (1948), 203, № 3	Дом, зем. участок и «дом в городе»	3 000 драхм	Дата 315/4г. до н. э.
40	18A	Fine, I, № 17	Зем. участок и дом	3 000 »	
41	18	«Ath. Mitt.», 59 (1934), 42, № 4	»	3 000 »	
42	19 и 20	IG, II ² , 2693	»	2 200 »	Из двух сумм оставляю большую
43	21A	Fine, I, № 12	Зем. участок и дом	2 000 »	
44	31	IG, II ² , 2700	»	2 000 »	
45	21	IG, II ² , 2696	(Зем.участок) и дом	2 000 (+?) »	
46	22	«Hesp.», XIII (1944), 19	Зем. участок и дом	2 000 »	
47	23	REG, 54 (1941), 245, № 48	»	2 000 »	
48	24	AJP, 69 (1948), 201, № 1	»	1 500 »	
49	25	IG, II ² , 2688	»	1 500 »	
50	31A—B	Fine, I, № 26	Строительный (?) участок (о:жоледов) и (дом?)	1 300 »	
51	26	IG, II ² , 2685	Зем. участок и дом	1 130 »	
52	32	IG, II ² , 2701	»	630 (+?) »	
53	27	IG, II ² , 2726	»	420 »	
54	28	IG, II ² , 2686	»	400 »	Оставляю большую сумму
55	29	IG, II ² , 2684	»	300 »	
56	32A	Fine, I, № 19	Дом, лавка и сад (αγοράς)	500 »	
57	106	REG, 62 (1949), 42	Зем. участок	500 »	Надписи датируются серединой и концом IV в. до н. э.
58	109	IG, XII, 8, 21	»	400 »	
59	104	IG, XII, 8, 18	Зем. участок и дом	2 300 »	
60	107	IG, XII, 8, 19	»	1 000 »	
61	112	IG, II ² , 2763	Зем. участок	420 »	
62	113	IG, II ² , 2764	(Зем. участок) и дом	3 000 »	Термин χωρίον восстановлен
63	115	IG, XII, 8, 22	Зем. участок и дом	800 »	Камень найден на о. Лемносе
64	177	IG, II ² , 2680	Зем. участок	5 100 »	Дата 313/2 г. до н. э.
65	127	IG, II ² , 2654	(Зем. участок и дом?)	800 »	
66	171	Kerameikos, 21	(Зем. участок?)	500 »	

для нас пока существенно лишь то обстоятельство, что и в этом случае земля выступает как эквивалент некоей денежной суммы. Надписи типа *prasis epi lysei* содержат примерно те же сведения, что и надписи типа ипотеки: обозначение объекта, имя кредитора («покупателя»), сумму залога («продажную цену»).

№№ 34—56, представляющие *horoi* типа *prasis epi lysei*, содержат сведения о земельных участках и домах вместе.

Г) К этим надписям можно добавить еще несколько документов (№№ 57—60). Долговые камни обнаружены на территории, в IV в. принадлежавшей Афинам, — на острове Лемносе. Кредиторами и, надо полагать, должниками в этих надписях выступали афинские граждане. Надписи отмечают сделки типа *prasis epi lysei*.

Надпись № 60 нуждается в дополнительных комментариях. Здесь два текста на одном камне, следующих непосредственно один за другим и относящихся, по-видимому, к одной и той же собственности. Объектом являються земельный участок и дом. Кредитор в обоих случаях один тот же: оргоны храма Геракла (на Лемносе). Над-

писи помечены годами правления двух разных архонтов; может быть, сделка была продлена. Но суммы различны: в первом случае 1000 драм читаются точно, во втором сохранился лишь знак 100 драм. Это значит, что во втором случае сумма безусловно была другая. Судя по числу пропущенных знаков (...H), она могла составлять 800 или 1 300 драм (может быть 700, 1200 и т. п.). Для расчетов я оставил цифру в 1 000 драм как вполне надежную.

Д) Некоторые надписи (№№ 61—64) опускают часть обычной формулы залога типа *prasis epi Iusei* (именно слова *epi Iusei*) и, если понимать их буквально, сообщают о продаже собственности. Но подобная регистрация продажи в Аттике вообще неизвестна, а все остальные признаки в этих надписях и в остальных залоговых текстах совпадают. Можно предполагать, что часть формулы была «сокращена» или пропущена по недосмотру. С другой стороны, ничто не препятствовало и тому, чтобы некоторые афиняне отметили в надписях акт продажи и поставили соответствующий камень на свое поле, как резонно полагает Финли¹⁰.

Таким образом, эти надписи остаются сомнительными по своему юридическому значению. Но, поскольку они сохранили сумму, за которую земля заложена или продана, их вполне можно использовать.

Особый случай представляет собой надпись, датированная 313/2 г. до н. э. — № 64. Объектом в ней является земельный участок «из части земли» (*ἄρος χωρίου ἀπὸ τοῦ μέρους τοῦ χωρίου*). Какова природа сделки и была ли здесь вообще совершена какая-то сделка — неясно. Но во всяком случае, перед нами — денежная оценка земельного участка. Надпись может быть использована.

Е) Следует остановиться на нескольких надписях, чтение которых предположительно ввиду утраты существенных частей текста.

Одна из этих надписей (№ 65) найдена в Спате (Месогей). Начало текста испорчено. Оно восстанавливается Кирхнером в IG как фиксирующее сделку типа *apotimema*. Обеспечение получают Дорофей и Филодем из Гиппотамадов. В конце надписи в какой-то связи указана дата — 363/2 г. до н. э.

Другая надпись (№ 66) обнаружена в Керамике. Сохранилась лишь заключительная часть текста. Издатель (Реек) полагал, что речь идет о сделке типа *prasis epi Iusei*.

Эти реставрации не бесспорны в той части, которая относится к объектам залога (даже если мы согласимся, что надписи определенно отмечают залог). Но цифры сохранились полностью, восстановления все же очень правдоподобны, поэтому я включаю обе надписи в таблицу.

Ж) Помимо надписей на догловых камнях, мы располагаем некоторыми сведениями о закладе земли из литературных источников. В нескольких случаях известна сумма залога.

Так, в 363/2 гг. до н. э. Демосфен судился со своими опекунами. В ходе этого дела опекун Афоб был присужден к уплате 10 талантов в пользу Демосфена. Афоб постарался избежать уплаты. В частности, принадлежавший ему участок земли (*χωρίον*) захватил брат его жены Онетор. Онетор утверждал, что этот участок являлся обеспечением приданого и фиксировал его соответствие сумме приданого в 1 талант (Dem., XXXI, 6—7).

Около 360 г. до н. э., выполняя триерархию и нуждаясь в деньгах, сын Пасипона Аполлодор заложил земельный участок (*χωρίον*) Фрасилоху и Архенею, заняв у них 30 мин (3 000 драм) ([Dem.], L, 13. Ср. 28). Это был, возможно, один из участков Аполлодора, не составлявший всей его земельной собственности. Что касается формы сделки, то мы можем о ней только догадываться. Возможно, что здесь имела место «продажа с правом выкупа».

Студа под залог земли, связанная с именем Диодота (Lys., XXXII, 15), не может быть включена в таблицу, так как неясно, сколько участков выступало в качестве залога. Кроме того, чтение отрывка не является несомненным¹¹.

¹⁰ Finley, *Studies...*, стр. 103—104.

¹¹ Finley, *Horoi...*, стр. 168—169.

11 талантов, отданные под залог земли и домов Пасионом, скорее всего имели обеспечение в виде ряда отдельных объектов (Dem., XXXVI, 5—6).

Наконец, рассказ о закладе полководцем Тимофеем его имущества за сумму более чем 7 талантов ([Dem.], XLIX, 11) также не вполне точен. Невозможно определить, какую часть суммы обеспечивали земельные владения Тимофея. Таким образом, включить в таблицу следует лишь данные об участках Афоба и Аполлодора.

Таблица 2

№	Владелец	Период	Объект	Сумма
67	Афоб	2-я четв. IV в.	Зем. участок	1 талант
68	Аполлодор	»	»	3 000 драхм

Итак, перед нами 68 цифр, частично или полностью относящихся к цене земельных участков. Первое производимое ими впечатление сводится к следующему:

1) Они все соответствуют сравнительно небольшим денежным суммам. Крупнейшая из этих сумм достигает лишь 8 000 драхм (притом она частично отражает залог дома).

2) Денежные суммы отличаются известной равномерностью. Переход от мелких к крупным цифрам постепенен и не обнаруживает существенных разрывов. Вместе с тем преобладают цифры «средних» размеров. Так, половину всего списка составляют суммы от 1 000 до 3 000 драхм включительно.

Это впечатление относится к суммам займов, а не к ценам заложенных объектов. Чтобы перейти непосредственно к ценности земельных участков, мы должны выяснить, в какой мере сумма долга, указанная в надписях, отражала реальную продажную цену объекта, установить соотношение между этими величинами.

Финли занимался подобным вопросом лишь в связи с анализом отдельных документов, и его замечания на этот счет очень нерешительны. «Нет готовой формулы, которая устанавливала бы отношение между суммой долга и ценностью заложенной собственности», — пишет он на стр. 80. С другой стороны, на стр. 116—117 он замечает: «Было бы нелепо полагать, что сумма долга... и цена заложенной собственности... вообще не имели отношения друг к другу». Финли присоединяется к господствующему мнению, согласно которому заложенная собственность могла иметь значительно большую ценность, чем сумма долга¹². Он ссылается на ряд примеров. Так, в одной из речей Демосфена сообщается о некоем Пантенеге (Dem., XXXVII). Имущество, под залог которого Пантенег получал 100 мин, он в конце концов продал за 3 таланта 2 600 драхм, т. е. примерно за вдвоебольшую сумму (там же, 50. Речь относится к середине IV в. до н. э.).

В отчете полетов 367/6 г. до н. э. («Hesp.», X (1941), стр. 14) содержатся сведения о продаже имущества (дома) некоего Теосебеса из Ксипете. Оказывается, под залог дома были в разное время заняты суммы в 150, 100 и 24 драхмы, всего 274 драхмы. Кроме того, была заявлена еще одна претензия на 30 драхм, не связанная с залогом. Продажа дома с торгов принесла 575 драхм, вдвое с лишним больше суммы непосредственных долгов. Впрочем, этот случай не может считаться достаточно ясным в интересующем нас смысле.

Надписи на закладных камнях содержат сходные данные. Прежде всего, они вообще, как правило, относятся к какому-то объекту в целом и лишь в исключительных случаях сообщают о залоге ч а с т и объекта. Между тем ясно, что суммы займов могли быть самыми различными; получается, что под залог дома ценой, допустим, в 1 000 драхм можно занять или 600 драхм, или 500, или 300, — «сколько дадут».

И действительно, в текстах залоговых надписей встречаются изменения и вычер-

¹² Finley, Studies..., стр. 70.

квивания цифр, свидетельствующие об изменении суммы долга при неизменном объекте. В № 28 по Финли (IG, II², 2686), где объектом являлся земельный участок, из (первоначальной?) суммы в 400 драхм вычеркнуты 200 драхм, а в остальном тексте изменений не произведено. Аналогичное уничтожение части цифр имело место на Аморгосском долговом камне (IG, XII, 7, 56): вместо 3 000 драхм там оставлена сумма в 1 000 драхм. Устранена также часть текста. Возможно, что изменение в цифре было сделано также в № 163 по Финли (IG, II², 2767).

Нужно отметить, правда, что подобные изменения могли иметь целью устранение какой-либо ошибки, допущенной в первоначальном тексте.

№№ 107 и 108 по Финли (IG, XII, 8, 19), представляющие две последовательно расположенные на одном камне надписи, относятся, видимо, к одной и той же собственности. Они содержат две различные цифры долга для разных лет (кредитор остался прежний). №№ 19 и 20 по Финли (IG, II², 2693) также, вероятно, отмечают сделки с одной и той же собственностью. В одном случае здесь появляются два кредитора на сумму в 1 100 драхм, в другом — лишь один из этих двух на вдвое большую сумму. Наконец, №№ 4 и 5 по Финли (IG, II², 2761 A и B) также занимают один камень и относятся, возможно, к одной и той же собственности. В первой надписи находилась (выскобленная) цифра 1 000 (драхм), во второй 200 (драхм). Кредиторы различны, и нет уверенности, что объект (дом) в обоих случаях тот же самый.

Таковы случаи изменения цифр в залоговых надписях. Каждый из них в отдельности можно поставить под сомнение, но все вместе они все-таки внушают мысль об известной «подвижности» суммы долга при неизменной цене заложенной собственности. Каковы могли быть границы этой подвижности? Каково было среднее соотношение между залогом и ценой объекта? Опираясь на общегреческий материал, Гиро пришел к выводу, что правилом являлось требование двойного залога¹³. Это безусловно довольно правдоподобная цифра, но она едва ли может быть применена ко всем видам залога без различия.

Остановимся на первом типе рассмотренных сделок — обеспечении возврата приданого (apotimema). Характерной чертой этой формы залога являлась денежная оценка. Такая оценка, очевидно, производилась для того, чтобы определить, является ли достаточным предоставляемое обеспечение. Достаточным было уже обеспечение, равное по своей ценности приданому. Теоретически совпадение ценности того и другого должно было считаться нормой.

В речи Демосфена против Онетора имеются ясные указания на этот счет. Демосфен постоянно ссылается на сделанную Онетором оценку земельного участка Афоба (Онетор предъявлял требования на участок, будто бы обеспечивавший возврат приданого его сестры). Для нас здесь совершенно безразлично, что требования Онетора, возможно, были чистой фикцией. Онетор оценил участок в 1 талант, и эта оценка принимается Демосфеном как точная. Во всяком случае, Демосфен считает, что если участок стоит талант, то он тем самым является достаточным обеспечением такой же суммы приданого. Он допускает, что если приданое составляло 80 мин (как одно время утверждал его оппонент), Онетор имел право, кроме участка, получить в залог за оставшиеся 2 000 драхм еще и дом (и поставить того же на эту сумму). Если же участок стоил больше таланта, сумму в 2 000 драхм следовало обеспечить, не вовлекая в сделку дом, а поставив дополнительно того же на тот же участок. Оценка, зафиксированная в надписи на того же, должна быть равна величине имущества, выступающего в качестве обеспечения, — такова предпосылка, из которой исходит Демосфен во всех своих рассуждениях (Dem., XXXI, 1—7).

Любопытны в этой связи того же №№ 146 и 147 по Финли (IG, II², 2670; «Hesp.», Suppl. 7 (1943), I, № 1). В этих надписях указана сделка типа apotimema — приданое обеспечивается в первом случае земельным участком, во втором — домом. В той и в другой надписи имеется дополнение: «насколько же стоит больше... (ὅσω πλείονος ἄξιον...)» и предполагается вовлечение остатка в другие сделки (типа ипотеки). Таким

¹³ Guiraud, Propriété..., стр. 391; см. Syll.², 306, стк. 30.

образом, предусматривалась возможность несовпадения ценности заложенного имущества и суммы залога.

Что доказывают эти *hōgoi*? Во-первых, что на практике соответствие между ценой имущества — обеспечения и суммой приданого иногда нарушалось. Во-вторых, что в подобных случаях остатком можно было распоряжаться свободно. В-третьих, что вообще равноценность обеспечения и приданого была образом: умолчание об остатке во всех остальных случаях можно объяснить тем, что остатка там не было.

Попробуем взглянуть на дело с позиции самих афинян. Процедура обеспечения приданого на практике часто была простой формальностью: возвращать приданое не приходилось. С этой точки зрения было все равно, на какую часть собственности поставить *hōgoi*. Далее, в случае развода можно было просто вернуть приданое деньгами, а если дело доходило до предоставления обеспечения взамен приданого, то «должник» рисковал лишь той частью заложенной собственности, которая соответствовала отмеченной в надписи сумме приданого.

Однако несомненно — как бы мы ни объясняли этот факт — что афиняне постоянно вовлекались в сложные и запутанные тяжбы, грозившие им серьезными материальными потерями. В таких условиях они, надо полагать, стремились к четкости в своих имущественных обязательствах. Вероятно, обе стороны (т. е. муж и тесть) предпочитали установить такое обеспечение, которое в дальнейшем не вызвало бы никаких споров. Кроме того, обеспечение в виде объекта, превышающего по ценности сумму обязательства, имело бы существенные недостатки. Как, например, можно было реализовать приданое, обеспеченное частью дома? Неудобно и делить дом на части и продавать его с целью раздела вырученных денег. Наконец, *arotimema* отличалась от других форм залога тем, что здесь, как правило, отсутствовала обстановка «безвыходного положения», внезапной нужды в деньгах (вероятная причина многих залоговых сделок). Наоборот, обе стороны имели время подумать и могли договориться обо всем заблаговременно, задолго до фактического заключения контракта.

В этом смысле показательны тексты самих надписей. 8 сделок типа *arotimema proikos* из 13 включают в качестве обеспечения землю вместе с домом или домами. Например, в № 133 по Финли (IG, II², 2659) обеспечением являются земельный участок и дом, сумма обязательства равна 1 таланту 2 000 драхам. Предположим — точно так, как это было в случае с Афобом, — что участок обеспечивал 1 талант, а дом — 2 000 драм. Если бы участок стоил существенно больше таланта (скажем, 1 талант 3 000 драм), мы были бы вправе повторить вопрос Демосфена к Онетору: почему же «должник» не указал в надписи только земельный участок, если последний уже являлся достаточным обеспечением? Ответ может быть только один: участок стоил меньше 1 таланта 2 000 драм, поэтому в сделку был вовлечен также и дом. Эти 8 *hōgoi* с «комплексным» объектом залога ясно свидетельствуют о том, что в сделках типа *arotimema proikos* расхождение между залоговой суммой и продажной ценой объекта было, как правило, незначительным.

Трудно определить эту «незначительность» математически. Любая цифра окажется до известной степени произвольной. Пожалуй, полуторное превосходство продажной цены над суммой обязательства составит высшую границу интересующего нас соотношения, совпадение этих величин, естественно, явится нижней границей. Возьмем условно середину — отношение продажной цены к сумме обязательства как 1,25 к 1.

Иначе обстоит дело с залоговыми операциями типа *prasis epi lysei* и ипотеки. Нижняя граница продажной цены объекта здесь также определяется без труда: она равна сумме обязательства. Установление высшей границы — дело значительно более сложное. Прежде всего мы сталкиваемся с наличием двух форм залога — ипотеки и *prasis epi lysei*. Проблема происхождения и юридического значения этих форм породила обширную литературу и противоположные точки зрения. Финли, не занимаясь этим вопросом специально, исходит из одновременного существования ипотеки и *prasis epi lysei* в IV в. до н. э. Если принять его точку зрения, реальный аспект различия будет сведен к вопросу: переходило ли в сделке типа *prasis epi lysei* заложенное имущество в руки кредитора? Гиро и Вайс решали этот вопрос положительно. Финли — отри-

цательно¹⁴. Файн считал возможными оба варианта, в зависимости от конкретных условий соглашения¹⁵.

Между тем тот или иной характер сделки оказывал бы сильное влияние на интесующее нас соотношение. Если имущество после подписания контракта переходило к кредитору, это означало бы для должника более тяжелые условия, чем при обычной ипотеке. Какой смысл был для должников в такой сделке (при наличии других возможностей), если они не получали какой-то компенсации? Компенсацией мог являться залог по более высокой, близкой к продажной, цене. В этом случае ценность объекта и сумма обязательства в сделках типа *prasis epi lysei* примерно совпадали. Если же сделка типа *prasis epi lysei* оставляла имущество в руках должника, — остается непонятным, в чем же ее отличие от собственно ипотеки.

Файн переносит проблему в несколько иную плоскость. По его мнению, ипотека развилась позже *prasis epi lysei* и вторая форма залога преобладала в течение IV в. до н. э.¹⁶ С этой точки зрения понятно, что условия сделки второго типа могли быть тяжелее. Главное различие между обеими формами Файн видит в том, что при ипотеке кредитор имел право лишь на ту часть заложенной собственности, которая соответствовала сумме долга: остаток в случае неуплаты сохранялся за должником¹⁷. Напротив, в *prasis epi lysei* кредитор получал временные (а в случае неуплаты постоянные) права собственности на все заложенное имущество, а не только на ту его часть, которая покрывала сумму долга¹⁸.

Нельзя считать ту или иную точку зрения окончательно доказанной. По-видимому, при современном состоянии источников решающих доказательств вообще нет. Для нас здесь имеет важнейшее значение то обстоятельство, что в сделках типа *prasis epi lysei* кредитор в случае неуплаты мог захватить в с ю заложенную собственность. Такова точка зрения большинства исследователей¹⁹.

Очевидно, что при этих условиях ценность закладываемого имущества не могла безгранично превосходить сумму долга. Должники, конечно, стремились поставить ногой на минимальную часть собственности. Едва ли были обычными сделки, при которых ценность объекта в несколько раз превышала сумму долга (хотя, разумеется, иногда обстоятельства не давали должнику возможностей для выбора). Отмеченное выше двойное превосходство цены объекта над суммой займа представляется очень правдоподобным для сделок типа *prasis epi lysei*. В частности, оно подтверждается упомянутым выше случаем с Пантенеом (*Dem.*, XXXVII).

Итак, для *apothimema* примем как среднее соотношение продажной цены и суммы залога 1,25 : 1. Для *prasis epi lysei* примем 2 : 1 — очень ориентировочное среднее соотношение в рамках точки зрения Файна. Разумеется, могли быть всякого рода исключения, но они не поддаются учету и не имеют большого значения. Поскольку мы оперируем массовым материалом, мы вправе ограничиться средними цифрами.

Что касается ипотеки, то соотношение между продажной ценой и суммой залога здесь вообще невозможно определить, если принять концепцию Файна и ряда других исследователей, считающих особенностью ипотечных сделок ограниченные права кредитора на заложенное имущество (см. выше).

Невозможно применить полученные пропорции ко всем цифрам в залоговых надписях без учета еще одного обстоятельства. Как мы видели, многие тексты указывают один нерасчлененный объект — дом и земельный участок вместе. Чтобы узнать долю земли, нужно вычесть из общей суммы цифру, соответствующую ценности дома. Но последняя сама есть неизвестная величина. Цены домов в литературных источниках ко-

¹⁴ G u i g a u d, *Propriété...*, стр. 281; W. W y s e, *The Speeches of Isaeus*, Cambridge, 1904, стр. 430—431; F i n l e y, *Studies...*, стр. 10—13.

¹⁵ F i n e, *Horoï...*, стр. 143.

¹⁶ F i n e, *Horoï...*, стр. 91—92.

¹⁷ F i n e, *Horoï...*, стр. 94.

¹⁸ F i n e, *Horoï...*, стр. 143.

¹⁹ F i n e, *Horoï...*, стр. 143; F i n l e y, *Studies...*, стр. 203.

леблются от 300—500 до 10 000 драхм. Обычная цена, по-видимому, не превышала 1 000—3 000 драхм. Эти сведения могут быть проверены и подкреплены данными самих надписей на долговых камнях. Если часть этих надписей сообщает только о земле, другая часть — о земле и домах вместе, то немало их посвящено специально домам. Остановимся на них здесь вкратце.

1) Тексты типа *apotimema* дают следующие цифры для домов: 2 000, 1 500, 1400+?, 500, 300 драхм²⁰. Средняя цифра — 1 140 драхм.

2) Тексты типа ипотеки: 1 000, 200, 200 драхм²¹. Средняя цифра — 467 драхм.

3) Тексты типа *prasis epi lysei*: 3 000, 3 000, 2 000, 1 800, 1 500, 1 000, 1 000, 800, 800, 700, 700, 700, 500, 400, 290, 270 драхм²². Средняя цифра — 1 154 драхмы.

4) Два текста — может быть, вообще не относящиеся к ипотеке, а фиксирующие продажу и оценку приданого, — сообщают соответственно цифры 2 000 и 500 драхм²³. Средняя цифра — 1250 драхм.

Если применить к этим средним цифрам выведенные ранее соотношения, получатся следующие суммы:

1) По группе с *apotimema* — 1 425 драхм.

2) По группе с *prasis epi lysei* — 2 308 драхм.

3) По группе сомнительных текстов — 1 250 драхм.

Приведенные здесь цифры до некоторой степени подтверждают, что соотношение продажной цены и суммы долга в сделках типа *prasis epi lysei* в среднем вряд ли могло быть выше, чем 2 : 1. Приняв, например, отношение 3 : 1 или 4 : 1, мы получили бы необъяснимо высокую среднюю, а в некоторых случаях и абсолютную, цену домов в сделках указанной категории. Скорее можно предполагать, что эти дома закладывались за суммы, значительно более близкие к их продажной цене. Объяснение, по-видимому, заключается в том, что ценность городских строений легче определялась и была более известна заинтересованным лицам, чем ценность сельских участков.

Полученные цифры, вероятно, довольно точно отражают среднюю ценность заложенных домов. Однако обратный переход от средней цены к конкретным случаям не может быть совершен на их основе. Во-первых, почти все эти надписи (во всяком случае, те, место обнаружения которых известно) найдены в Афинах, Пирее и Элевсине. Это значит, что они относятся к домам городского типа. Между тем, большая часть надписей, в которых упоминаются земля и дом вместе, наоборот, найдена в сельской местности. Конечно, и в IV в. до н. э. имелись богатые дома, расположенные за городом, как это было в V в. (см. *Thuc.*, II, 65,2). Однако средняя цена деревенских домов была, надо полагать, значительно ниже средней цены городских. Во-вторых, невозможно принять цену дома одинаковой по всем категориям участков. Ясно, что мелким участкам соответствовал, как правило, более дешевый дом. Напротив, крупные участки включали более дорогие дома. По-видимому, мы будем гораздо ближе к истине, если попытаемся установить долю дома в общей ценности заложенной собственности.

Возможность этой статистической операции содержится в цифрах, вошедших в нашу таблицу. Действительно, налицо 66 цифр, извлеченных из надписей. Средняя цена всех этих объектов равна 2 119 драхмам. Средняя цена 38 земельных участков, вовлеченных в сделку вместе с домами, — 2 408 драхм. Средняя цена 28 земельных участков, выступающих в качестве самостоятельных объектов, — 1 726 драхм. Разница между средними ценами, видимо, получилась за счет домов. Она равняется 682 драхмам, т. е. доля домов относится к доле земли как 1 : 2,5.

Эта средняя разница не является показательной, поскольку она относится ко всем домам без различия. Подойдем к вопросу иначе: попытаемся определить среднюю долю домов для района Афин и для сельской местности отдельно. При этом будем ис-

²⁰ №№ 162, 148, 147, 149, 150 по Финли.

²¹ №№ 4, 5, 6 по Финли.

²² №№ 68, 67A, 69, 70, 72, 73, 66A, 74, 86, 71, 75, 76, 77, 78, 79, 80 по Финли.

²³ №№ 114, 175A по Финли.

ходить из достаточно резонного предположения, что в Афинах и Пирее найдены камни, в свое время поставленные в самом городе и в пригородных районах. Камни из отдаленных местностей, несомненно, перемещались в Афины гораздо реже. И, конечно, лишь в исключительных случаях они могли транспортироваться из города в отдаленные деревни.

Всего имеется 15 *ногой*, более или менее определенно найденных в районе Афин и Пирея; из них 6 указывают в качестве объекта залога только землю, 9 — землю и дом. Средняя цена первых составляет 508 драхм, вторых — 2270 драхм, разница между ними равна 1762 драхам, предположительная доля дома — 78%. Доля земли, таким образом, равна примерно $\frac{1}{5}$ общей ценности.

Среди 31 определенно сельской надписи 11 относятся к земельным участкам, 20 — к земельным участкам и домам вместе. Средняя цена объектов в первых равна 2 009 драхам, во вторых — 2 863 драхам, разница — 854 драхам, ориентировочная доля дома — 30%.

Можно, конечно, оспаривать типичность этих пропорций. Во всяком случае они хорошо соответствуют тому, чего вообще следовало ожидать. Естественно, что мелкие пригородные участки имели незначительную ценность по сравнению с домами. Появлялись также, почему в сравнительно отдаленных сельских местностях относительная и абсолютная ценности домов были намного меньше.

Было бы нецелесообразно приводить здесь все дальнейшие вычисления. Я провел большое количество подсчетов как по различным типам залога, так и по группам *ногой* в зависимости от мест их находки. По тому же принципу, что и прежде, доля домов в лемносских надписях определена в $\frac{2}{3}$. В надписях неизвестного происхожде-

Таблица 3

№	Сумма долга в драмах	Ориентировочная цена участка в драмах	№	Сумма долга в драмах	Ориентировочная цена участка в драмах
1	6 000+?	7 500	36	5 000+?	7 000
2	5 200	6 500	37	4 000	4 000
3	1 800	2 250	38	3 240	4 536
4	750	937,5	39	3 000	3 000
5	500	625	40	3 000	1 200
6	8 000	7 000	41	3 000	4 200
7	4 500	3 932,5	42	2 200	3 080
8	(4 000)	3 500	43	2 000	800
9	3 000	2 625	44	2 000	2 800
10	3 000	2 625	45	2 000+?	2 000
11	2 000	1 750	46	2 000	2 800
12	1 700	425	47	2 000	2 000
13	1 500	1 312,5	48	1 500	2 100
18	6 000	12 000	49	1 500	2 100
19	3 000	6 000	50	1 300	520
20	2 800	5 600	51	1 130	452
21	2 550	5 100	52	630+?	882
22	2 000	4 000	53	420	420
23	1 200	2 400	54	400	560
24	1 100+?	2 200	55	300	300
25	1 050	2 100	56	500	100
26	1 000	2 000	57	500	1 000
27	1 000	2 000	58	400	800
28	900	1 800	59	2 300	1 534
29	900	1 800	60	1 000	666
30	600	1 200	61	420	420
31	500	1 000	62	3 000	600
32	150	300	63	800	267
33	100+?	200	64	5 100	5 100
34	(7 000)	2 800	65	800	700
35	6 000	8 400	66	500	1 000

ния доля домов принята в $\frac{1}{2}$ (поскольку эти надписи равно могли относиться к району Афин и к сельской местности).

Итак, преобразуем нашу таблицу на основе следующих подсчетов:

1. Из общей суммы (для объектов смешанного состава) вычитается доля дома (horoí из района Афин — 80%, horoí из сельской местности — 30%, horoí с Лемноса — 33,3%, horoí неизвестного происхождения — 50%. Доля двух домов в № 39 принята в 50%, доля дома и лавки в № 56 — в 90%).

2. Суммы в залоге типа *apotimema* умножаются в 1,25 раза, в сделках типа *prasis epi lysei* — в 2 раза. Суммы в № № 61, 62, 63 оставлены без изменения, так же как и в № 64. Сделка в № 65 рассматривается как *apotimema*, в № 66 — как *prasis epi lysei*.

Сделки типа ипотеки в таблицу не включены. Два случая, извлеченные из литературных источников, также опущены. Дело в том, что они заведомо относятся к крупным участкам: здесь, таким образом, отсутствует элемент случайности, необходимый для дальнейших подсчетов.

Остаются всего 62 цифры. Надписи приводятся в том же порядке, что и прежде. Сохранены прежние номера. Несовпадение общего количества рассматриваемых horoí и номеров (начиная с 18-го) объясняется исключением сделок типа ипотеки (№ № 14—17) — см. табл. 3.

В этом преобразованном виде общая предположительная ценность всех участков, вместе взятых, составляет 158 829,5 драхмы, средняя цена — 2 561,8 драхмы. Общая сумма залога по участкам и домам в целом составляла 135 740 драхм, при средней цене в 2 189,4 драхмы.

Средняя цена ничего не говорит об отношениях между заложенными участками. Поэтому оказывается необходимым разделить все участки на группы в зависимости от их ценности. Участки распределяются следующим образом:

Участков ценой до	500 драхм	— 8 (с лемносскими	9)
»	1 000 »	— 8	(» 10)
»	1 500 »	— 5	(» 6)
»	2 000 »	— 3	(» 4)
»	2 500 »	— 10	
»	3 000 »	— 5	
»	3 500 »	— 2	
»	4 000 »	— 2	
»	4 500 »	— 3	
»	5 000 »	— 1	
»	5 500 »	— 2	
»	6 000 »	— 1	
»	6 500 »	— 1	
»	7 000 »	— 1	
»	7 500 »	— 2	
»	8 000 »	— 1	
»	8 500 »	— 1	
»	в 12 000 »	— 1	

Без лемносских имеется 57 участков — это минимальный статистический материал, которым мы можем оперировать. Их общая предположительная ценность равна 154 552,5 драхмы, а средняя цена — 2 711,3 драхмы (сумма цен пяти лемносских участков — 4 267 драхм, средняя цена — 853,4 драхмы. Возможно, что на этом основании допустим вывод о сравнительно небольшой величине лемносских участков).

Все суммы располагаются в пределах от 100 до 12 000 драхм. При этом сохранилась отмеченная выше постепенность перехода от мелких к крупным цифрам. Действительно, цены участков можно представить в виде медленно, без скачков повышающейся кривой. Как правило, каждый более дорогой участок отличается от соседнего, более дешевого, лишь незначительно. Существенный разрыв имеет место только в конце этой кривой, между участками ценой в 8 400 и 12 000 драхм. Этот разрыв совершенно естественен, поскольку по самой логике вещей крупные участки должны были обнаруживать между собой большие различия, чем мелкие.

Сохранилось также преобладание средних цифр, выступающее здесь как очень значительная численность участков средней ценности. Мы не получаем «пирамиды», при которой самые мелкие участки были бы самыми многочисленными, а численность участков была бы обратно пропорциональна их ценности. Тем более мы не находим «таяния» участков средней ценности. Напротив, самую многочисленную группу (в 10 единиц) составляют участки ценой от 2 000 до 2 500 драхм. Средняя цена всех участков равна, как сказано, 2 711,3 драхмы. Это значит, что количественно важное место занимают участки, по своей ценности близкие к средней цене, но не достигающие ее (в действительности средняя цена земельного участка в Аттике приближалась скорее к 2 000, чем к 2 700 драхмам. Заложенные земли дают несколько завышенные средние цифры).

Таким образом, среди должников-землевладельцев земельная собственность, по видимому, была распределена сравнительно равномерно. Очень значительную часть их составляли владельцы средних по ценности участков.

* * *

Ногой доставляют наиболее массовый и доброкачественный, самый удобный для статистической обработки материал. Но в нашем распоряжении имеются также некоторые другие источники, содержащие сведения о земельных участках. Так, к концу V в. до н. э. относятся надписи, перечисляющие конфискованные и проданное имущество афинских граждан, осужденных по процессу гермокопидов. Фрагменты этих надписей были недавно собраны и опубликованы Причеттом под названием «аттических стел»²⁴

Рассмотрим цифровые данные, имеющиеся на стелах. Они также могут быть представлены в виде таблицы (см. табл. 4).

Из приведенных случаев № 8 относятся к началу IV в. до н. э., №№ 9—13 — ко времени несколько раньше середины IV в., №№ 14—16 — к периоду около 342/341 гг. до н. э. Надпись IG, II², 1 580 по ряду признаков принадлежит скорее к *rationes septemmarum*, надписям о продаже недвижимости с уплатой однопроцентного налога, чем к отчетам полетов. Включая ее в эту таблицу, я лишь следовал общепринятому взгляду. С другой стороны, стелы и отчеты полетов содержат несколько цифр, характеризующих продажу неизвестных объектов. С большой вероятностью в этих случаях можно предполагать продажу недвижимости. Я не включил эти цифры в таблицу, но учитывал их при некоторых подсчетах.

Прежде чем суммировать полученные данные, необходимо установить, в каком отношении находятся имеющиеся в них цифры к реальной продажной цене объектов. Продажа конфискованных имуществ производилась путем аукциона. Кто предлагал большую сумму, становился покупателем. Ясно, что определить конкретные соотношения цен мы не в состоянии. Но нам достаточно, как и прежде, вывести общее, среднее соотношение — в данном случае соотношение «аукционной» и продажной, «рыночной» цен.

Наиболее вероятно, что с торгов имущество (особенно такое, как недвижимость) продавалось в общем дешевле, чем в иных случаях. Данные источников подтверждают это предположение. Так, Лисий прямо свидетельствует, что конфискованное имущество очень дешево продавалось государством (*πολλοῦ ἄξια ὄντα ὀλίγου πειράσμεται*) (Lys., XVIII, 20).

Насколько обычная продажная цена превышала «аукционную» цену? Стелы отмечают продажу множества самых разнообразных предметов. Как правило, их цена весьма близка к рыночным ценам конца V — начала IV вв. Занимавшийся этим вопросом Причетт сравнивает те и другие цены, ничуть не сомневаясь в правомерности такой операции²⁵. Так, средняя цена рабов по стелам составляла 179 драхм²⁶. Это

²⁴ «Hesp.», XXII (1953), стр. 225—299.

²⁵ K. P r i t c h e t t, The Attic Stelai, II, «Hesp.», XXV (1956), *passim*.

²⁶ Там же, стр. 276—277.

Таблица 4

№	Надпись	Владелец	Место	Объект	Продажная цена
1	Стела VI, стк. 94—107	Ферекл из Фемака	Пифион, Кикала, Бате, Λαυ---	4 земельных участка, дом, строительный (?) участок, «священный участок»	1 200 драхм
2	Стела VII, стк. 72—74	?	Вне Аттики?	Поле, дом, незасаженная земля, виноградник	1 900 »
3	Стела VII, стк. 75—77	?	Вне Аттики?	(Поле?), виноградник, дом + ?	6 100 »
4	Стела X, стк. 1—2	Адимант из Скамбонидов	?	Дубовая и сосновая рощи, дом и 8 пифосов	1 800 »
5	Стела X, стк. 16	Эвфилет из Кидафенеона	Γαργетт	Зем. участок	105 »
6	Стела X, стк. 17	»	Мирринутте	Зем. участок, сад и дом	205 »
7	Стела X, стк. 18	»	Афидна	Зем. участок	10 »
Надписи IV века — отчеты полетов о продаже конфискованных земель и домов — также содержат несколько цифр, могущих быть использованными.					
8	«Hesp.», V (1936), № 9, стк. 6—10	?	Фрия	(Дом — συνοικία, окраинный участок — ἐσχατία?)	610 »
9	IG, II ² , 1580, стк. 1—3	?	?	Зем. участок и дом	500 »
10	IG, II ² , 1580, стк. 4—7	? — из Афмонона	Прасии	»	2 375 »
11	IG, II ² , 1580, стк. 8—10	?	Прасии	»	2 012,5 »
12	IG, II ² , 1580, стк. 11—13	? — из Мирринутта	?	»	5 000 »
13	IG, II ² , 1580, стк. 24—27	?	Тифрасии	Зем. участок	1 талант 3 050 драхм
14	«Hesp.», V (1936), № 10, стк. 29—34	Фидократ из Агноса?	Агнос?	(Зем. участок?)	1 000 драхм
15	Там же, стк. 61—66	?	?	Окраинный участок + ?	600 »
16	Там же, стк. 153—185	Никодем из Энон	Афидна	Зем. участок	680 »

несколько меньше средних цен IV в. Есть основания предполагать, что в случаях продажи недвижимости расхождение могло быть более значительным. Причтет отмечает, что стелы дают для домов и земельных участков меньшие цифры, чем остальные источники. Кроется ли объяснение в очень маленьких размерах участков или в общей экономической ситуации военного 414 г. до н. э. — он не берется определить²⁷. Мне кажется, объяснение заключается прежде всего в различии «аукционных» и «рыночных» цен.

Мы можем опереться при решении этого вопроса на одно литературное свидетельство — именно на некоторые связанные между собой места в речи Лисия об имуществе Аристофана. Лисий намекает, что от продажи собственности Аристофана государство не получило и 4 талантов (Lys., XIX, 34). Эту цифру можно сравнить с общей стоимостью имущества Аристофана, насколько последняя нам известна. В самом деле, мы знаем, что Аристофан не оставил ни золота, ни серебра (ὁ κατέλιπεν... ἀργύριον οὐδὲ χρυσίον) (там же, 27). Домашних вещей (ἐπιπλα) оказалось

²⁷ Там же, стр. 275.

на сумму более чем в тысячу драхм. (там же, 31), т. е. по отношению к четырем талантам немного. Ничего не слышно также о деньгах, данных в долг, о рабах, мастерских, торговых предприятиях или стадах скота. Между тем Лисий должен был бы непременно упомянуть эти статьи по самому смыслу речи: его целью было показать, что Аристофан вложил много денег в приобретение имущества. Лисий указывает лишь покупку Аристофаном земли и дома за 5 с лишним талантов (там же, 29, 42). Прежде же Аристофан не имел состояния (*πρότερον μὴ ἔπαρχούσης οὐσίας*, там же, 29). Все это значит, по-видимому, что за четыре без малого таланта было продано имущество, приобретенное по «рыночным» ценам за пять с лишним талантов (и, кроме того, какие-то относительно небольшие статьи). Общая «рыночная» цена имущества Аристофана во всяком случае не превышала 5,5—6 талантов. Таким образом, «аукционная» цена оказалась приблизительно в полтора раза ниже обычной продажной цены.

Этот результат очень правдоподобен. Действительно, если цена предметов, проданных с торгов, должна была в среднем быть ниже их обычной цены, то все же она не могла опускаться ниже какой-то нормы (если отвлечься от всегда возможных исключений). Конечно, теоретически трудно установить низшую границу, но можно предполагать, что средняя продажная цена не превышала среднюю «аукционную» цену больше чем, скажем, в полтора-два раза: более резкое расхождение вряд ли допустимо в обществе, доросшем до аукциона. Легко представить себе, какую дезорганизацию вносили бы торги в хозяйственную жизнь, если бы дело обстояло иначе.

Итак, всякое реально возможное соотношение «рыночной» и «аукционной» цен будет располагаться в пределах от 1 : 1 до 2 : 1. Остановимся на этих пропорциях, приняв их как минимум и максимум.

Из наших 16 цифр 10 отмечают цену земельных участков и домов вместе. Используя результаты, полученные выше по материалам 1901, примем долю домов в общей продажной цене равной приблизительно 1 : 3. В окончательно преобразованном виде цифры будут выглядеть следующим образом (учитывается только цена земли):

1	800—1 600	драхм	9	333— 667	драхм
2	1 267—2 533	»	10	1 583— 3 167	»
3	4 067—8 133	»	11	1 342— 2 683	»
4	1 200—2 400	»	12	3 333— 6 667	»
5	105— 210	»	13	9 050—18 100	»
6	137— 273	»	14	1 000— 2 000	»
7	10— 20	»	15	600— 1 200	»
8	407— 813	»	16	680— 1 360	»

Построим два варианта расчетов. В первом варианте принимается минимальная цена земли (при соотношении продажной и «аукционной» цен как 1 : 1), во втором — максимальная (то же отношение здесь — 2 : 1). Распределим цифры по группам, в зависимости от их абсолютной величины. Получается:

		1 вариант	2 вариант
Участков	ценной до 500 драхм—	5	3
»	» 1 000 » —	3	2
»	» 1 500 » —	4	2
»	» 2 000 » —	1	1
»	» 2 500 » —	0	2
»	» 3 000 » —	0	2
»	» 3 500 » —	1	1
»	» в 4—5 000 » —	1	0
»	» в 6—7 000 » —	0	1
»	» в 9—10 000 » —	1	1
»	» в 18—19 000 » —	0	1

При этом не учитывалось то обстоятельство, что в случае с № 2 фактически были проданы шесть участков, а в случаях с №№ 5, 6, 7 три участка составляли владение

одного и того же лица. Если мы введем единый принцип и станем учитывать величину владений, а не участков, начало таблицы примет следующий вид:

владений ценой до 500 драхм — 3 0
 » » » 1000 » — 3 3

и далее без изменений.

Средняя цена владения в первом варианте расчета равна 1851, во втором варианте — 3702 драхмам.

Мы могли бы добавить сюда 8 (или 6, по числу владений) сомнительных случаев, не включенных в таблицу²⁸. В этом случае средняя цена владения понизилась бы до 1587 (первый вариант) или до 3 174 (второй вариант) драхм.

Мы видим, что результаты вычислений по заложенным и конфискованным земельным участкам совпадают во многих существенных чертах. Участки (и владения) средней ценности (от 500 до 5 000 драхм) преобладают, они составляют больше половины общего числа объектов. При среднем полуторном превосходстве реальной продажной цены над «аукционной» средняя цена участка составляет 1 851 драхму, средняя цена владения — 2 776,4 драхмы. Переход от мелких участков к крупным даже при этом очень ограниченном количестве цифр постепенен. Участки и владения дороже 10 000 драхм или отсутствуют, или единичны. Таким образом, выведенные на основе залоговых надписей пропорции не представляются чем-то исключительным; наоборот, сходные пропорции обнаруживаются в источниках совсем иной категории. Это значит, что соотношения среди заложенных участков являются в общем типичными.

Некоторые дополнительные данные можно извлечь из речей ораторов IV в. Иногда в них встречаются денежные оценки земельных владений (см. табл. 5).

Таблица 5

№	Владелец	Место	Объект	Оценка	Источник
1	Эрасистрат	Сфетт	Зем. участок	500 драхм	Lys., XVII, 5,6—8
2	»	Кицинна	Зем. участок и дом	1 000 »	Там же
3	Феопомп	Эноя	Зем. участок	5 000 »	Isaeus, XI, 44
4	»	Просоальта	»	3 000 »	Там же
5	Стратокл	Фрия	Поле (ἀγρός)	2,5 таланта	Там же, 42
6	Феофон	Элевсин	Поле	2 »	Там же, 41
7	Менеки	?	Зем. участок	7 000 драхм	Isaeus, II, 28—29
8	Брат Менекла	?	»	1 000 »	Там же, 35
9	Кирон	Флия	Поле	1 талант + ?	Isaeus, VIII, 35
10	Пасион	?	Земельная собственность (ἐγγυεῖος οὐσία)	20 талантов	Dem., XXXVI, 5
11	Эвктемон	Афмонон	Поле	7 500 драхм	Isaeus, VI, 33
12	Тимарх	Алопека	Зем. участок	2 000 »	Aeschines, I, 99
13	Аристофан	?	«Земля» (γῆ) и дом	5 талантов + ?	Lys., XIX, 28—29, 42

Все эти цифры относятся к концу V и первой половине IV вв. до н. э. Как видно, большая часть земельных владений в этом перечне по ценности превышает талант. Но цифры, взятые из речей ораторов, не могут быть использованы как статистический материал: они относятся к участкам богатых и состоятельных граждан. Зато они позволяют судить о средней ценности земельных владений высших слоев афинского гражданства и тем самым создают критерий, отсутствующий в других источниках.

Цифры из речей ораторов, в сущности, подтверждают те соотношения, которые были установлены с помощью надписей на долговых камнях. В самом деле, Пасион был совершенно исключительной личностью как по богатству, так и по предприимчивости.

²⁸ Стела VI, стк. 55—56, 117, 119; стела VII, стк. 67, 78, 79, 81; IG, II², 1580, стк. 14.

Таблица 6

№	Покупатель	Место	Объект	Цена	Источник
1	Эвклея из Гал	Порос	Два крайних участка (εσχατιαί)	125 драхм	IG, II ² , 1594A—B
2	? из Афидны	Афидна	Крайний уч-к	150 »	«
3	»	»	»	50 »	»
4	»	»	»	50 »	»
5	»	»	»	50 »	»
6	»	»	»	500 »	»
7	Молотт из Афидны	»	»	50 »	»
8	Анаксикл из Колона	»	Два крайних уч-ка	50 »	»
9	Алкиадиз Афидны	»	Окр. уч-к и зем. уч-к	500 »	»
10	? из Эноя	Эноя	οἰκὸ]πεδᾶ τῶ χωρίο	550 »	»
11	То же	»	Зем. уч-к	300 »	»
12	Дорофей из Ойона	Саламин	То же	2000 (+?) драхм	IG, II ² , 1596A—B
13	? из Паллены	Паллена	Сад (κῆπος)	250 »	»
14	То же	»	Зем. уч-к	50 »	»
15	? из Суния	Анафлист	То же	800 »	»
16	Никокл из Кидантидов	Кидантиды	Окр. уч-к	162,5 »	IG, II ² , 1597
17	Никохар из Кидантидов	»	Зем. уч-к	1000 »	»
18	Антиклид из Кидантидов	»	То же	1375 »	»
19	Никомах из ?	Кефале	Окр. уч-к	62,5 »	»
20	Стратон из Кофокидов	Кофокиды	Зем. уч-к	100 »	»
21	Мнесимах из Кофокидов	»	Зем. уч-к	250 »	»
22	?	Фалер?	То же	100 »	IG, II ² , 1598A—B
23	Никия из Ксипете	Фалер	» »	100 (+?) драхм	»
24	? из Пирея	»	» »	700 драхм	»
25	? из Симоитов	»	Зем. уч-к и строит. уч-к	1 талант 5600 драхм	»
26	? из Пирея	»	Зем. уч-к	440 драхм	»
27	Филипп из Гал	Галы?	Два зем. уч-ка	4 таланта	»
28	Эпиген из Ламптр	?	Окр. уч-к	1875 драхм	«Hesp.», IX (1940), № 38
29	? из Ахарн	Лусии	Зем. уч-к	2600 »	»
30	? из Холарга	Холарг?	?	70 »	IG, II ² , 1601
31	То же	»	?	97 (+?) драхм	»
32	» »	»	?	115 (+?)	»
33	» »	»	?	70 »	»
34	?	»	?	62 ¹ / ₃ »	»
35	? из Холарга	»	?	512 »	»
36	То же	»	?	25 »	»

Продолжение таблицы 6

№	Покупатель	Место	Объект	Цена	Источник
37	? из Холарга	Холарг?	?	50 драхм	IG, II ² , 1601
38	? из Пеании	Флия	Зем. уч-к? +?	2 таланта 3000 драхм	IG, II ² , 1602B
39	? из Скамбонидов	?	? и дом (οικία)	2650 (+?) драхм	»
40	? из Эвонимии	?	Зем. уч-к?	4005 драхм	IG, II ² , 1603
41	?	?	Окр. уч-к	4 таланта 3100 драхм	»

Аристофан — быстро разбогатевший выскочка, стремившийся создать себе «положение в обществе». Владение недвижимостью было чем-то вроде предпосылки политического влияния. В обоих этих случаях, надо полагать, земельные владения состояли из нескольких или даже многих участков. Что касается остальных землевладельцев, то цены их участков хорошо согласуются с цифрами 1601. Феопомп, Стратокл, Феофон, Кирон, Эвктемон принадлежали к числу богатых граждан — тех, кто выполнял литургии. Их земельные владения стоили по 6—15 тыс. драхм. Очевидно, немногочисленные участки такой же ценности по материалам 1601 также были собственностью богатых и могут рассматриваться как соответствующие статусу «крупного землевладельца». Можно предположить, что владельцы участков ценой в 3—6 тыс. драхм считались людьми состоятельными и т. д.

Продажа земли зафиксирована также в надписях середины и второй половины IV в., известных под названием *rationes centesimalium*. Это списки земель (и, по-видимому, домов), проданных с уплатой однопроцентного налога. Они содержат цифры, представленные на таблице 6.

46 перечисленных здесь участков распределяются следующим образом:

Ценой до 500 драхм	— 28
От 500 до 1000	» — 6
От 1000 до 2500	» — 3
От 2500 до 6000	» — 5
Свыше 6000	» — 4

Привлекает внимание то обстоятельство, что при близости средней цены участка в *rationes centesimalium* (составляющей около 2 500 драхм) к средней цене заложенных и конфискованных участков налицо совершенно иные общие соотношения между отдельными группами участков. Действительно, мелкие участки (ценой до 1 000 драхм) составляют подавляющее большинство общего количества объектов. С другой стороны, имеется отчетливо выраженная группа очень значительных по своей ценности участков. Участки же средних размеров немногочисленны. Словом, картина во всех существенных чертах противоположна той, которую мы получали прежде, оперируя другими источниками. Необходимо найти этой противоположности какое-то рациональное объяснение.

Мне кажется, такое объяснение имеется. Уже давно высказывалось предположение о том, что *rationes centesimalium* отмечали продажу земли не частными гражданами, а общественными (в частности, религиозными) организациями. Поскольку массовладельческих земель не затрагивалась актами продажи, зафиксированными в этих надписях, последние не могут прямо привлекаться для характеристики основных особенностей в распределении частной земельной собственности. Они свидетельствуют, собственно, лишь о том, что отдельные граждане покупали очень различные количества общественной земли. Это значит, по-видимому, что разница в наличных денежных средствах, находящихся в руках граждан, была в среднем гораздо более значительной, чем разница в величине их исконных земельных владений.

Конечно, самая покупка общественной земли влияла на распределение земельной собственности в целом. Иногда она приводила к появлению новых крупных землевладельцев. Несомненно, она способствовала росту неравенства в распределении земли, по крайней мере к концу IV в. до н. э. Но это влияние лимитировалось уже тем, что размеры общественных земель, могущих поступать в продажу, были, разумеется, ограниченными.

* * *

Нам осталось подвести некоторые итоги. Каковы основные свойства, обнаруживаемые нашими цифрами?

Одним из этих свойств является равномерность в возрастании цен участков, поскольку речь идет о заложенных и конфискованных землях. Здесь особенно показательно сравнение с цифрами, имеющимися в rationes centesimalium. Расположенные в возрастающем порядке цены подавляющего большинства участков по rationes centesimalium повышаются чрезвычайно медленно до уровня в 1 000—2 000 драхм. С этого уровня возрастание цен принимает очень резкий, «скачкообразный», характер. Между тем, цены как заложенных, так и конфискованных земель достигают ступени в 1 000 драхм значительно быстрее, но в дальнейшем до гораздо более высокого уровня (в 6 000—7 000 драхм) сохраняют медленный темп прироста.

Далее, общим свойством конфискованных и заложенных земель является многочисленность участков средней ценности, в то время как для rationes centesimalium характерно отчетливое количественное преобладание мелких участков.

Далее, в rationes centesimalium несколько крупнейших участков представляют основную по ценности часть всей земли ($\frac{3}{4}$ или $\frac{4}{5}$). Напротив, из числа заложенных участков средние участки преобладают не только количественно, но и по ценности и включаемой ими земли. Участки ценой от 1 000 до 6 000 драхм составляют примерно 60% общего количества. Общая их ценность также равна 60% ценности всех участков, вместе взятых (конфискованные земли обнаруживают аналогичные свойства).

Итак, цены конфискованных и заложенных участков проявляют определенную совокупность арифметических свойств, охарактеризованных здесь в самой общей форме.

Цены участков, проданных с уплатой однопроцентного налога, обнаруживают свойства противоположного характера. Главное различие между теми и другими землями состоит в том, что в первом случае перед нами выступают частновладельческие участки, во втором — общественные земли, переходящие в руки частных лиц. Логично предположить, что специфические черты совокупности цен заложенных и конфискованных земель объясняются их первоначальной частновладельческой принадлежностью. Иначе говоря, те же черты были свойственны частному землевладению Аттики рассматриваемой эпохи вообще. Это означает приблизительно следующее.

1) Различия между отдельными слоями землевладельцев и отдельными землевладельцами (в ценности их участков), как правило, не были резко выражены. Имелись многочисленные промежуточные группы, опосредствовавшие переход от мелких к средним и от средних к крупным землевладельцам.

2) Существовал обширный слой средних землевладельцев с участками, скажем, от 1 000 до 6 000 или от 2 000 до 5 000 драхм. Весьма вероятно, что такие землевладельцы составляли абсолютное большинство.

3) Основная часть земли находилась, по-видимому, в руках этих средних землевладельцев.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что цифр в нашем распоряжении немного, что они получены случайно, относятся к различным районам Аттики и датируются очень широко и неопределенно. Как раз случайный характер и разбросанность этих цифр позволяют сделать на их основе выводы общего порядка с большей степенью достоверности, чем это было бы возможно при наличии локально и хронологически кон-

центрированных материалов. Беспорядочное скопление единиц, будучи использовано как некая цельная совокупность, в связи и в сравнении с другими данными, открывает в частном — общее, в многообразии — единство, в случайности — необходимость. Относительная равномерность в распределении земли, отсутствие резких контрастов в ценности земельных владений — это, видимо, существенная особенность аграрного строя Аттики IV в. до н. э.

Представляется небесполезной попытка конкретизировать полученный вывод, придав ему числовую внешность (т. е., сделав его более точным по форме, но более гипотетичным и ориентировочным по существу). Попробуем наметить наиболее вероятные пропорции, свойственные аттическому землевладению исследуемой эпохи.

Таблица 7

Группа	Число участков	Средняя цена	Численность от общего числа в %	Ценность от общей ценности в %
I	16	515,1 драхмы	28	5
II	18	1789,6 »	32	21
III	16	3731,2 »	28	39
IV	7	7771,4 »	12	35
Всего	57	2711,3 »	100	100

Здесь надлежит воспользоваться широко распространенным в статистике «выборочным методом». Последний состоит в том, что из некоей «генеральной совокупности» единиц — если всю эту совокупность охватить нежелательно или невозможно — отбирается (здесь — путем случайного отбора) некоторая часть единиц, на основании свойств которой выносится суждение о свойствах всей совокупности. Согласно «закону больших чисел» при достаточном объеме выборки случайные отклонения взаимопогащаются и математические характеристики выборки имеют тенденцию совпасть с математическими характеристиками «генеральной совокупности».

Исследуем сначала этим способом цены заложенных участков (в преобразованном виде). Будем считать их «выборочной совокупностью». Разделим участки на группы. Первую группу составят участки ценой до 1 000 драхм, вторую — до 2 500, третью — до 6 000, четвертую — свыше этой суммы. Основные показатели групп (округленно) представлены на таблице 7.

Предположим, что эти отношения точно отражают структуру аттического землевладения. Средняя цена земли в Аттике IV в. была, по всей вероятности, близка к 50 драхам за плетр. Будем считать округленно 500 драхам за гектар. Если принять число самостоятельных землевладельцев в 15 000,

Таблица 8

Группа	Примерная численность землевладельцев	Приблизительная средняя величина участка
I	4500	1 га
II	4500	3,5 га
III	4500	7,5 »
IV	1500	15 »

получатся соотношения, приведенные на таблице 8 (процентные доли округлены до 30, 30, 30 и 10%).

Если же самостоятельных землевладельцев было 10 000, то они распределялись следующим образом: I группа — 3 000, II — 3 000, III — 3 000 и IV — 1 000.

Посмотрим, соответствуют ли эти пропорции земельной площади Аттики. Площадь возделываемых земель составляла около 60 000 га. Конечно, упомянутые в источниках земельные участки могли частично включать необработанную землю. Но основную их часть, несомненно, составляла «культурная» земля. Общественные земли вряд ли занимали больше $\frac{1}{5}$ всей площади. Во всяком случае, около 50 000 га во владении частных собственников представляются вполне возможной цифрой.

При численности землевладельцев в 15 000 общая площадь их владений получается равной приблизительно 75 000 га, при численности в 10 000 снижается до 50 000 га. Как мы видим, результаты получились весьма удовлетворительные: ведь площадь обрабатываемых земель Аттики до сих пор совершенно игнорировалась и никак не влияла на расчеты.

Любопытно, что очень сходные с выведенными выше цифры получаются при подсчетах по конфискованным участкам. Если принять среднее соотношение продажной и «аукционной» цен как 1,5 : 1 и включить в расчеты 6 сомнительных цифр, то результаты получатся такие (см. табл. 9, подсчет произведен по в л а д е н и я м; итоги по точным и сомнительным цифрам вместе даны в скобках):

Таблица 9

Группа	Число владений	Средняя цена в драмах	Численность от общего числа (в %)	Ценность от общей ценности (в %)
I	4 (7)	596,9 (654,4)	Ок. 30	от 5 до 10
II	7 (10)	1686,8 (1835,6)	» 50	» 30 » 40
III	1 (1)	5000 (5000)	» 7	» 10 » 15
IV	2 (2)	9837,5 (9837,5)	» 13	» 40 » 50
Всего	14 (20)	2776,4 (2380,6)	100	Φ • 100

Здесь мы видим, правда, совсем иное соотношение между владениями III и IV групп. Но участки этих категорий настолько малочисленны, что полученные для них пропорции едва ли вообще показательны. Зато итоги подсчетов по I и II группам очень близки к тем результатам, которые мы имели выше, оперируя с залоговыми надписями. Интересующая нас в первую очередь доля II группы выглядит здесь еще более значительной.

При этих расчетах средняя цена участка и владения составляет 2 400—2 800 драм. Это означает или, что в среднем заложенные и конфискованные участки по своим размерам несколько превосходили обычную норму, или, что число самостоятельных хозяйств было ближе к 10 000, чем к 15 000. Последнее предположение очень правдоподобно, поскольку часть полноправных граждан не вела самостоятельного хозяйства, входя в состав семей землевладельцев.

Насколько типичны и показательны для аттического землевладения в целом использованные здесь цены нескольких десятков участков? Прибегали ли, в частности, к залого земли в одинаковой степени все слои афинских землевладельцев?

Долговые камни ничего не сообщают об имущественном положении владельцев земельных участков. По мнению Финли, нет никакой реальной основы для определения соотношения между заложенной частью имущества и имуществом в целом²⁹.

Вместе с тем Финли отвергает широко распространенную точку зрения, по которой долговые камни свидетельствуют о массовой задолженности мелких крестьян³⁰.

В основном он, по-видимому, прав. Приводимый им материал оправдывает вывод о том, что кредиторами при залоге недвижимости редко выступали ростовщики-профессионалы³¹. Причиной займов часто бывала внезапная нужда в деньгах, вызванная расходами по уплате налогов и штрафов, выполнению литургий и т. п.³² Хозяйственные расходы как причина займов под залог земли неизвестны. Правдоподобно также предположение Финли о том, что для мелких займов применялся преимущественно заклад вещей³³.

²⁹ Finley, Studies..., стр. 268, прим. 37.

³⁰ Там же, стр. 274, прим. 72.

³¹ Там же, стр. 83.

³² Там же, стр. 84.

³³ Там же, стр. 87, 96.

Однако вывод Финли, будто мелкие крестьяне (*small farmers*) вовсе не прибегали к ипотеке, является несомненным преувеличением и не подтверждается используемым им же самим материалом. Этот вывод основан главным образом на анализе цифр в сделках типа *apótimema proíkos*. Финли показывает, что отмеченные в надписях суммы приданого типичны для богатых афинских граждан³⁴. Но отсюда вряд ли можно делать заключение обо всех видах залоговых операций. Действительно, отмечающие сделки типа *apótimema proíkos* надписи содержат самые крупные цифры. Пять таких надписей, относящихся к земельным участкам, дают среднюю цифру 2 850 драхм, при общей средней по всем типам сделок в 1 726 драхм. Восемь, указывающих в качестве залога дом и участок вместе, сообщают среднюю цифру 3 462 драхмы, при общей средней в 2 408 драхм. Между тем, если в других типах залога нередко могла закладываться в с я недвижимая собственность должника, то как раз при *apótimema proíkos* это маловероятно. Таким образом, к обеспечению приданого недвижимостью в самом деле прибегали преимущественно богатые слои гражданства. Но в других типах надписей немало мелких цифр. Большинство должников, по моим подсчетам, составили землевладельцы, закладывавшие участки ценностью меньше 2 500 драхм. Подобные участки не могут рассматриваться как «крупные». Средние цифры и в этом случае — самое надежное средство контроля. Средняя цена всех заложенных участков составляла 2 711,3 драхмы. Средняя цена земельного владения в Аттике IV в. равнялась 1 500—2 000 драхам. Это значит, что средний должник в *horoí* имел примерно в полтора раза больше земли, чем средний афинский землевладелец (здесь не учитывается разница между участком и владением. С другой стороны, цена в 500 драхм за 1 *ga*, из которой я исхожу при определении цены среднего владения, минимальная). Таким образом, залоговые надписи отражают уровень лишь несколько выше среднего.

Итак, соотношения в величине земельных владений, полученные по материалам *horoí*, нуждаются в поправке. Последняя состоит в том, что необходимо уменьшить число землевладельцев III и IV группы и их долю в общей ценности земли, соответственно увеличив численность и долю II и особенно I группы.

Вторая существенная погрешность проистекает из того факта, что цифры в залоговых надписях относятся, как правило, к одному участку. Между тем в научной литературе неоднократно отмечалась характерная особенность аттического землевладения: земельная собственность граждан часто не составляла сплошной территории, а включала в себя отдельные разбросанные участки. Невозможно установить численность владельцев разобнесенных участков. Если бы владение такими участками было в одинаковой степени свойственно всем слоям землевладельцев, пропорции между этими слоями были бы затронуты лишь незначительно, и нам не пришлось бы вносить поправки в расчеты. Но, вероятно, соединение нескольких участков в одних руках было более характерно для высших слоев гражданства (хотя в принципе это вовсе не обязательно). Необходимая поправка состоит в том, чтобы несколько увеличить численность и долю землевладельцев III и IV группы за счет I и особенно II группы. В меньшей степени следует также увеличить II группу за счет I. Тогда наша таблица более точно отразит реально существовавшие пропорции среди афинских землевладельцев.

Нетрудно заметить, что обе главные поправки действуют в основном в противоположных направлениях и отчасти погашают друг друга. Вероятно, в конце-концов влияние этих поправок заключалось бы в некотором сокращении относительной и абсолютной численности и значения землевладельцев II группы, владевших участками ценой от 1 000 до 2 500 драхм. Но такое сокращение не должно быть особенно большим: во всяком случае, не вдвое и не втрое.

Следует учесть также, что в залоговых надписях не встречаются участки ценой свыше 20 000 драхм. В действительности такие участки и тем более владения имелись, конечно, в очень ограниченном количестве.

Не видно таких поправок, которые заставляли бы изменить полученные соотношения к о р е н н ы м о б р а з о м. Я исхожу вообще из естественного предположения

³⁴ Finley, *Studies* ... стр. 79—80.

о том, что характерные особенности ц е л о г о приблизительно повторяются в его наугад выбранной ч а с т и. Нет оснований считать, что основные соотношения между заложенными участками были почему-то с о в е р ш е н н о и н ы м и, чем соотношения среди других категорий участков.

Кстати, очень похожие результаты (относящиеся к имущественным различиям в целом) были получены Джонсом в его работе о социальной структуре Афин, хотя Джонс пользовался совсем другими методом и материалами. Джонс пришел к выводу о сравнительно равномерном распределении имущества среди подавляющей массы афинян (не отрицая в принципе процесса концентрации богатства в руках небольшой группы граждан). Распределение имущества, по Джонсу, может быть представлено небольшой таблицей (таблица составлена мной; учитываются только землевладельцы):

Число граждан	Состояние каждого
6 000	До 2 000 драхм
3 000	2 000—2 500 драхм
4 800	2 500—9 000 (12 000) драхм
900	9 000 (12 000) драхм — несколько талантов
200	Несколько талантов — 15 талантов
100	15 талантов и больше

Эти пропорции представляются вполне аналогичными тем соотношениям, которые были получены выше для аттического землевладения. Учитывая тот факт, что недвижимость была в Аттике основным объектом собственности, мы можем успешно сопоставить цифры, принятые Джонсом, с цифрами, намеченными мной на основе надписей о заложенных и конфискованных участках. Следует заметить при этом, что рост имущественных контрастов в условиях античных Афин должен был начинаться именно с движимого имущества. Поэтому равномерность в распределении земли, если выводы Джонса основательны, является еще более правдоподобной.

Конечно, попытка реконструировать пропорции, существовавшие среди аттических землевладельцев, в настоящее время еще не может претендовать на точность. Не все требования, предъявляемые к выборочному методу, соблюдены здесь полностью. Выведенные мной численные соотношения являются грубо приближенными. Они характеризуют рассматриваемую эпоху в целом, представляя собой в е р о я т н ы е с р е д н и е для всего периода конца V — начала III вв. до н. э. Исторические изменения в силу необходимости игнорируются.

Однако метод статистических подсчетов в нашей области следует признать не только возможным и допустимым, но и весьма плодотворным. Он позволяет сделать достаточно основательные общие заключения — о равномерности в распределении земли, значительной доле владений средних размеров и т. д. Благодаря ему мы получаем возможность оперировать вместо неопределенных и гадательных понятий «много» или «мало» какими-то более или менее вероятными цифрами. Наконец, такой метод перспективен: с накоплением материала точность выводов увеличится, появится возможность районных и временных разграничений и т. п.

*

Итак, земля была распределена в Аттике IV в. до н. э., по-видимому, относительно равномерно. Крупные земельные владения (ценностью более чем в $2\frac{1}{2}$ таланта, т. е. размером больше 30 га) были крайне немногочисленны. Численно и, вероятно, по общей площади преобладали средние участки («средними» они названы здесь условно; многие из них едва ли обеспечивали прожиточный минимум своим владельцам), ценой в 1 000 — 6 000 драхм (приблизительно 2—12 га). Резкие массовые контрасты среди землевладельцев в этом отношении не наблюдаются.

Это значит, что концентрация земли в Аттике IV в. до н. э. зашла не особенно далеко и что слой «среднего крестьянства», знакомый нам по комедиям Аристофана, в основном сохранился, а не был превращен в городской люмпен-пролетариат или в безземельных арендаторов.

Как вообще можно представить себе аграрное развитие Аттики в IV в.? Общеизвестно, что до Пелопоннесской войны это была страна с многочисленным средним крестьянством. Война разорила сельских хозяев и нанесла крестьянскому землевладению сильный удар. IV век обычно расценивается как эпоха продолжающегося неуклонного разорения крестьянства. Крестьянские земли переходили в руки денежно-торговой знати. Этот процесс ускорила прогрессирующая задолженность крестьянства и т. д.

По-видимому, такая точка зрения отражает лишь одну сторону дела и чрезмерно упрощает действительный исторический процесс. Литературные источники, рассмотренные в целом, не дают оснований предполагать массовую продажу крестьянских земель на протяжении по крайней мере первых 75—80 лет IV в. Концентрация земли имела довольно ограниченный характер³⁵. Эти выводы, как мы видели, подтверждаются эпиграфическим материалом и, в свою очередь, дают объяснение последнему.

Устойчивость «среднего» землевладения в Аттике может быть связана со следующими обстоятельствами:

1) Сельское хозяйство сохраняло в значительной степени натуральный характер. В таких условиях продолжала интенсивно действовать традиционная привязанность крестьян к земле, а крестьянское землевладение оставалось весьма стойким и жизнеспособным. Кроме того, земледелие было занятием менее доходным, чем торговля или ростовщичество, торгово-денежная знать едва ли усиленно стремилась к приобретению земель. Стимулы для концентрации земли были ограниченными.

2) Известно, какую большую роль во всей организации полиса играло сохранение земельных владений в руках граждан государства. Общественное мнение и государственная власть везде, где это оказывалось возможным, препятствовали нарушению земельного режима (в той мере, в какой такое нарушение затрагивало исходную относительную равномерность в распределении земли). Это сопротивление принимало разнообразные формы. В демократических Афинах оно выражалось в ограничении концентрации богатства вообще и недвижимости в частности с помощью системы литургий, штрафов и конфискаций.

Итак, можно предполагать существование в Аттике многочисленного слоя средних землевладельцев на протяжении IV в. до н. э., — во всяком случае, до переворота Антипатра и последовавших за ним событий.